

Белое Безмолвие

— Кармен и двух дней не протянет.

Выплюнув кусок льда, Мэйсон с сожалением оглядел несчастное животное, а затем сунул себе в рот его лапу и снова принялся выгрызать лед, накрепко застывший между собачьих пальцев.

— Собаки с такими звучными именами обычно гроша ломаного не стоят, — заявил он, закончив работу и оттолкнув животное прочь. — Они от такой ответственности чахнут и подышают. Вы когда-нибудь видели, чтобы что-нибудь приключилось с собакой, у которой нормальная кличка — Касьяр, например, или Сиваш, или Хаски? Никогда! Вы посмотрите на Шукума: он...

Щелк! Тощий зверь промелькнул как стрела, и белые зубы едва не сомкнулись на горле Мэйсона.

— Ах вот ты как?

Рукоятка кнута ловко стегнула пса по уху, и тот, мелко дрожа, растянулся в снегу, пуская с клыков желтые слюни.

— Так вот, я говорю: посмотрите на Шукума — этот не пропадет. Держу пари, он сожрет Кармен — не пройдет и недели.

— А я тебе на это вот что скажу, — откликнулся Мэйлмут Кид, переворачивая хлеб, который он размораживал у огня. — Мы сами съедим Шукума еще прежде, чем доберемся до места. Как думаешь, Руфь?

Опустив в посудину кусочек льда, чтобы кофе осел, индианка взглянула на Мэйлмюта Кида, потом на мужа, потом на собак, но до ответа не снизошла. Он был настолько очевиден, что не стоило тратить слов. Впереди лежало еще двести миль снежной целины, а еды оставалось в лучшем случае на шесть дней — это для людей, а для собак не было вовсе. О чем же тут спорить? Присев у костра, двое мужчин и женщина принялись за скудную трапезу. Лежа в упряжках (не было смысла их распрягать на время короткого дневного привала), собаки завистливо провожали взглядами каждый кусок.

— Обедать больше не будем, — объявил Мэйлмют Кид. — И за собаками — глаз да глаз. Они начинают злиться. Загрызут при первой возможности.

— А ведь я был когда-то главой методистской общины и преподавал в воскресной школе, — ни с того ни с сего сообщил Мэйсон и погрузился в задумчивое созерцание своих мокасин, от которых шел пар. Из этого состояния его вывела Руфь, протянув ему горячую кружку. — Слава богу, что хоть чая у нас вволю. Я видел, как он растет в Теннесси. Все на свете бы отдал сейчас за горячую кукурузную лепешку! Ничего, Руфь: голодать тебе осталось недолго, да и в мокалинах ходить тоже.

При этих словах ее хмурое лицо просияло, а глаза наполнились безграничной любовью к белому господину — первому белому человеку, которого ей довелось встретить, и первому мужчине, который обращался с женщиной лучше, чем с вьючным животным.

— Да-да, Руфь, — продолжал ее муж на том особом смешанном наречии, на котором они только и понимали друг друга, — вот закончим дела — и отправимся на Большую землю. Сядем в каноэ Белого Человека и поплывем по Соленой Воде. Да-да, по воде, которую нельзя пить, по бурной воде, — по ней так и пляшут огром-

ные горы — вверх-вниз. Мы поплывем далеко-далеко, пройдет десять снов, двадцать снов, сорок снов, — для наглядности он отсчитывал сутки на пальцах, — и все время вода, плохая вода. А за ней — огромная деревня, полная людей, как комаров летом. И высокие-высокие вигвамы — как десять — нет, двадцать сосен. *Хай-ю скукум!*

Тут он запнулся и беспомощно взглянул на Мэйлмюта Кида, а затем жестами изобразил, как ставит двадцать сосен одну на другую. Мэйлмют Кид скептически улыбнулся, но глаза Руфи были полны удивления и блаженства: она верила и не верила, думала, что муж, наверное, шутит, и эта милость пролила бальзам на сердце бедняжки.

— А потом ты заходишь... в ящик, и вдруг — пух! — летишь вверх. — Для наглядности Мэйсон подбросил пустую кружку и, ловко поймав ее, воскликнул: — А потом — бух! — и вниз. О, там живут великие колдуны! Ты едешь в Форт-Юкон, я еду в Арктик-Сити — двадцать пять снов — большая веревка, всю дорогу — я поймал веревку — я говорю: «Привет, Руфь! Как дела?» — а ты говоришь: «Это мой добрый муж?» — а я говорю: «Да», — а ты говоришь: «Нельзя спечь хороший хлеб, соды нет», — а я: «Посмотри в кладовке под мукой, до встречи». Ты смотришь — а там полно соды. И ты все время в Форт-Юконе, а я в Арктик-Сити. *Хай-ю колдун!*

Руфь так простодушно улыбалась, слушая эту сказку, что оба мужчины не выдержали и расхохотались. Собачья драка положила конец рассказам о чудесах Большой земли, а когда рычащих соперников удалось разнять, Руфь уже увязала нарты и можно было трогаться в путь.

— Вперед! Пошел, Плешивый! Ну, пошел! — Мэйсон ловко орудовал кнутом и, когда собаки взвыли, натягивая постромки, двинул нарты вперед, оттолкнув-

шись шестом. Со второй упряжкой отправилась Руфь, а Мэйлмут Кид, который помог ей оттолкнуться, остался замыкающим. Силач, способный повалить быка одним ударом, он не мог бить несчастных собак и жалел их — вопреки местным обычаям. Да что там, он был готов визжать вместе с ними от сострадания.

— Ну давайте, вперед, колченогие! — проворчал он после нескольких безуспешных попыток тронуться с места.

В конце концов его терпение было вознаграждено, и, поскуливая от боли, собаки поспешили вослед своим собратьям.

Разговоры закончились: дорога — тяжелый труд, и впустую расходовать силы — роскошь непозволительная. Из всех видов каторжного труда путешествие по Северной тропе — самый тяжкий. Блажен тот, кому удастся ценой молчания выдержать день, даже на проторенной тропе.

И уж точно нет труда тяжелее, чем прокладывать тропу. Ноги в огромных плетеных лыжах на каждом шагу проваливаются в сугробы по колено. Затем ногу нужно поднимать — строго вверх: малейшее отклонение, даже на дюйм, может привести к катастрофе, — до тех пор, пока лыжа не высвободится из снега полностью, и тогда — вперед и снова вниз, затем на пол-ярда перпендикулярно поверхности поднимают вторую ногу. Тот, кто делает такое впервые, даже чудом умудрившись не поставить ноги слишком близко друг к другу и не растянуться во весь рост на зыбкой тверди, рухнет в изнеможении, не преодолев и сотни ярдов. Тот, кому удастся ни разу за день не попасть под собачью упряжку, может с чистой совестью заползти в спальный мешок, преисполнившись гордости сверх всякой меры. А уж тому, кто выдержит на Великой Северной тропе двадцать ночевков, могут завидовать боги.

День все тянулся. Со священным трепетом, который порождало в них Белое Безмолвие, странники молчали, продолжая свой тяжкий труд. У природы есть много уловок, чтобы убедить человека в его брэнности: она потрясает его воображение беспрестанной сменой морских приливов и отливов, яростью бурь, мощными подземными толчками, долгими раскатами небесной артиллерии, — но сильнее всего ошеломляет и ужасает это бесстрастное и безграничное Белое Безмолвие. Все замерло, небо расчистилось и отливает медью; малейший, даже самый тихий шепот кажется кощунством, и человек невольно робеет, пугаясь звуков собственного голоса. Одинокая искра жизни, летящая через мертвую призрачную пустыню, он содрогается от собственной дерзости, сознавая, что здесь он — лишь жалкий червь, и не более. Станные, неожиданные мысли приходят в голову, а тайна всего сущего так и просится на уста — чтобы наконец облечься в слова. И на человека накатывает страх — перед смертью, перед Создателем, перед Вселенной, надежда на Воскресение и на Жизнь, и жажда бессмертия, тщетное стремление немощной твари, — и только тогда он, возможно, оказывается один на один с Богом.

День подходил к концу. Река описала огромный изгиб, и Мэйсон направил свою упряжку напрямик, через узкий перешеек. Но собаки всё никак не могли взобраться по крутому склону на берег. Они снова и снова сползали вниз, хотя Руфь и Мэйлмют Кид налегали на нарты, подталкивая их вверх. Наконец они предприняли решающую попытку. Несчастные создания, ослабевшие от голода, вложили в нее все последние силы. Вверх — еще выше — вот нарты уже почти на крутом берегу: но вдруг вожак забрал вправо, потянув за собой остальных, впряженных следом за ним, и зацепил упряжью лыжи Мэйсона. Результат оказался плачевным.

Мэйсона сбили с ног; одна из собак тоже упала, нарты опрокинулись и снова скатились вниз вместе с поклажей.

Вжик! Кнут обрушился на собак — особенно яростно на ту, что упала.

— Мэйсон, не надо! — взмолился Мэйлмют Кид. — Бедняга и так на последнем издыхании. Погоди, я своих припрягу.

Мэйсон остановился, молча дождался, пока товарищ произнесет последнее слово, — и вновь взметнул длинный кнут, который буквально обвился вокруг провинившегося животного. Кармен — а это была она — вжалась в снег, жалобно взвизгнула и повалилась набок.

Наступил трагический момент, один из самых печальных, какие бывают в дороге: умирающая собака, разгневанные попутчики. Руфь встревоженно переводила взгляд с одного на другого. Но Мэйлмют Кид сдержался, хотя взгляд его был полон укоризны, и, склонившись над собакой, обрезал постромки. Никто не проронил ни слова. Упряжки спарили, крутой склон преодолели; нарты вновь двинулись в путь, умирающее животное плелось следом. Кармен не пристрелят, пока она сможет передвигаться. Для нее это последняя возможность выжить: если она доберется до лагеря и если люди добудут лося.

Мэйсон уже сожалел о том, как повел себя в приступе гнева, но был слишком упрям, чтобы извиниться; он шел впереди, с трудом пролагая путь, и не подозревал, что над ним нависла угроза. Они пробирались через укрытую от ветра низину, поросшую лесом. Футях в пятидесяти от тропы высилась величавая сосна. Она пережила уже не одно поколение людей, и все это время судьба готовила ей такой вот конец, — как, возможно, и Мэйсону.

Он наклонился, чтобы затянуть распутившуюся завязку у мокасина. Нарты остановились, и собаки без

единого звука улеглись в снег. Заиндевевший лес был пугающе неподвижен, ни единое дуновение не нарушало потустороннюю тишину; холод и безмолвие леденили душу и обжигали дрожащие губы природы. Вдруг воздух содрогнулся от тихого вздоха: казалось, они его не услышали, а скорее почувствовали, — как предвестие нарождающегося движения в неподвижной пустоте. И вот огромное дерево, под гнетом лет и снегов, доиграло свою роль в трагедии жизни. Услышав предостерегающий треск, Мэйсон попытался вскочить на ноги, и ему это почти удалось, как вдруг чудовищный удар обрушился ему на плечо.

Нежданная угроза, внезапная смерть — Мэйлмют Кид давно был с ними на «ты». Сосновые иглы еще трепетали, когда он отдал необходимые команды и взялся за дело. А юная индианка не упала в обморок и не стала сотрясать воздух праздными стенаниями, как, скорее всего, поступили бы ее бледнолицые сестры. По приказу Мэйлмюта Кида она навалилась всем весом на конец толстой палки — импровизированного рычага — и облегчила таким образом тяжесть ствола, прислушиваясь к стонам мужа; сам же Кид тем временем орудовал топором. Сталь весело звенела, впиваясь в насквозь промерзший ствол; за каждым ударом слышался громкий, натужный выдох лесоруба: «Ух! Ух!» Наконец Кид добрался до того, что некогда было человеком. Но гораздо больнее, чем муки товарища, было видеть беззвучное страдание несчастной женщины, это вопросительное выражение у нее на лице, полное одновременно надежды и отчаяния. Говорили мало: на Севере быстро познаёшь тщетность слов и несравненную ценность дел. Лежа в снегу при температуре минус шестьдесят пять градусов по Фаренгейту, человек долго не проживет. Кид и Руфь обрезали постромки и уложили беднягу Мэйсона, укутанного в меха, на ложе из веток. Перед ним разожгли жаркий костер, нарубив дров

из того самого дерева, которое послужило причиной несчастья. С другой стороны и отчасти сверху соорудили что-то вроде палатки: натянули кусок полотна, которое улавливало тепло и отражало его на больного, — прием, хорошо известный тем, кто учится физике у самой природы.

А те, кому случалось делить ложе со смертью, узнают ее зов. Мэйсон был искалечен страшно. Это было видно даже при беглом осмотре. Правая рука, нога и позвоночник были сломаны; обе ноги полностью парализованы; скорее всего, были и внутренние повреждения. Кроме редких стонов, других признаков жизни он не подавал.

Положение безнадежное: сделать ничего невозможно. Безжалостная ночь тянулась медленно. Руфь держалась стойко, пряча отчаяние, как свойственно ее народу; на бронзовом лице Мэйлмюта Кида пролегли несколько новых складок. Вообще говоря, Мэйсон мучился меньше всех: он пребывал в Восточном Теннесси, у подножия хребта Большие Дымчатые горы, где прошло его детство. И до чего же трогательно звучали давно забытые им интонации родного южного наречия, когда он бредил об омутах, и об охоте на енотов, и о ворованных арбузах. Руфь понимала не больше, чем если бы он говорил по-китайски, зато Кид понимал все прекрасно — понимал и чувствовал так, как может чувствовать только тот, кто на долгие годы оказался оторван от всех благ цивилизации.

Наутро искалеченный Мэйсон пришел в сознание, и Мэйлмют Кид склонился поближе, чтобы разобрать его шепот.

— Помнишь, как мы встретились на Танане? В ледоход четыре года будет. Тогда она для меня мало что значила. Хорошенькая... просто нравилась, наверное. Но теперь... все мои мысли — о ней, понимаешь? Она была мне хорошей женой, всегда рядом. Ну а в нашем

деле ей равных нет, сам знаешь. Помнишь, как она преодолела пороги Лосиные Рога, чтобы забрать нас с той скалы, когда пули градом лупили по воде? А голод в Нуклукайто помнишь? А как она перебралась через реку в ледоход, чтобы передать нам вести? Да, она была мне прекрасной женой — куда лучшей, чем та, другая. А ты разве не знал? Я не рассказывал? В общем, я был женат когда-то — там, в Штатах. Потому и оказался здесь. Мы с ней выросли вместе. Я уехал, чтобы ей проще было получить развод. Она его получила.

Но я не о ней — о Руфи. Думал закончить здесь все дела и отправиться в будущем году в Большую землю — вместе с ней. Слишком поздно. Кид, ты только не отправляй ее обратно, к племени. Для женщины это страшно тяжело — возвращаться. Подумай только: почти четыре года она ела копченую свинину, бобы, хлеб, сушеные фрукты, а там — опять рыба да карibu! Познать наш образ жизни, понять, что нам живется лучше, чем ее народу, и вернуться — нет, это никуда не годится. Позабойсь о ней, Кид... а может, ты?.. Хотя нет, ты всегда избегал их и никогда не рассказывал, как тебя занесло в эти края. Будь с ней помягче. Отправь ее поскорее в Штаты. Только устрой так, чтобы она могла вернуться, если вдруг затоскует. Всякое бывает.

Ты знаешь, ребенок очень нас сблизил. Надеюсь, это парень. Представляешь, Кид: плоть от плоти моей! Ему нельзя оставаться в этих краях. Ты продай мои меха, они потянут тысяч на пять, не меньше, и еще столько же за компанией. А если девочка... нет, не может быть... Я хочу, чтобы ты вел мои дела заодно со своими. Тот участок... думаю, там будет чем поживиться. Проследи, чтобы он получил хорошее образование. Но главное, Кид, не позволяй ему сюда возвращаться. Эта земля — не для белых. А я... я, Кид, человек пропащий. Три-четыре ночевки переживу — в лучшем случае. Вам надо двигаться дальше. Вы должны! И помни: это моя жена

и мой сын, — Господи, вот бы это был сын! Вы не должны задерживаться из-за меня. Послушайся умирающего: не задерживайтесь, езжайте.

— Дай мне три дня, — взмолился Мэйлмют Кид. — Может, тебе станет лучше. Может, нам повезет.

— Нет.

— Всего три дня.

— Вам нужно ехать.

— Два дня.

— Кид, это мои жена и сын. Даже не думай.

— Один день.

— Нет, нет! Заклинаю...

— Всего день. Мы попробуем добыть лося.

— Нет... ну ладно: один день, и ни минутой больше.

Да, Кид: и не бросай меня тут одного. Один выстрел, просто спусти курок. Ну, понимаешь. Ты только представь себе! Только представь! Плоть от плоти моей, и я никогда его не увижу!.. Пришли сюда Руфь. Я хочу попрощаться. Скажу, чтобы думала о сыне и не ждала, пока я умру. Если я не скажу, она, чего доброго, не уйдет. Ну, прощай же, старик, прощай. Кид! И еще: попробуй копнуть повыше, у самого склона. Я там центов по сорок намывал. Погоди, Кид!

Тот склонился пониже, чтобы разобрать последние, совсем уже тихо произнесенные слова. Отринув гордыню, умирающий произнес:

— Ты прости за... ну, за Кармен.

Предоставив молодой женщине тихо оплакивать мужа, Мэйлмют Кид накинул парку, надел лыжи, сунул под мышку ружье и отправился в лес. Не новичок в северных землях, он пережил здесь много суровых испытаний, но все они не шли ни в какое сравнение с этим. Если отвлечься от чувств и мыслить математически, речь шла о простом уравнении: три жизни против одной, к тому же обреченной. Но как решиться? Ведь узы товарищества, связавшие Кида и Мэйсона, сплетались

и крепили пять лет, пройденных плечом к плечу, по рекам и тропам, через стоянки и прииски, перед лицом смерти, в лесных дебрях и бурных водах. Так прочна была эта связь, что Кид порой ловил себя на ревности к Руфи — с той самой минуты, когда индианка впервые встала между ними. И что же теперь? Он должен собственноручно обрубить эту связь.

Он молился о том, чтобы в лесу ему встретился лось — всего один лось, но казалось, вся живность покинула эти места, и к ночи изможденный охотник с трудом добрал до лагеря — с пустыми руками и тяжелым сердцем. Услышав громкий лай собак и пронзительные крики Руфи, он ринулся вперед со всей скоростью, на какую был еще способен.

Добежав до лагеря, он увидел, что рычащая собачья стая окружила женщину, а та отбивается, размахивая топором. Нарушив железное правило своих хозяев, собаки растаскивали остатки провианта. Орудя прикладом ружья, Кид присоединился к Руфи, и извечный закон естественного отбора в очередной раз доказал свою непреложность — со всей первобытной жестокостью. Ружье и топор однообразными движениями взлетали и опускались, то попадая в цель, то промахиваясь; собаки с горящими от бешенства глазами и оскаленными пастьями, бросаясь на людей, корчились под ударами; зверь и человек сражались за власть, и плачевный исход их борьбы не заставил себя ждать. Победенные животные отползли к самому краю светового круга, образованного отблесками костра, и принялись зализывать раны, громко жалуясь звездам на свою неудачу.

Все запасы вяленого лосося оказались уничтожены, а муки осталось в лучшем случае фунтов пять — и это на двести с лишним миль пути по безлюдной пустыне. Руфь возвратилась к мужу, а Мэйлмут Кид разделал еще теплую тушу одной из собак, чей череп был проломлен топором. Все части туши он припрятал, кроме

шкуры и требухи, — их он швырнул тем, кто еще мину-ту назад бился вместе с погибшим зверем.

Утро принесло с собой новые неприятности. Собаки дрались между собой. Стая загрызла Кармен, которая до того времени еще продолжала цепляться за жизнь. Напрасно кнут ходил по их спинам. Собаки скулили и виляли хвостом под ударами, но оставить добычу отказывались до тех пор, пока на снегу ничего не осталось — ни костей, ни шкуры, ни шерсти.

Мэйлмют Кид принялся за дело, вслушиваясь в бред Мэйсона, который вернулся в свой Теннесси и теперь обращался к бывшим приятелям с бессвязными речами и нелепыми призывами.

Руфь наблюдала, как Кид, используя ближайшие сосенки, ловко сооружает схрон, какие охотники используют иногда, чтобы до мяса не добрались росوماхи и псы. Он пригнул верхушку сначала одной небольшой сосны, потом другой почти к самой земле и связал их ремнями из лосиной кожи. Затем кнутом заставил собак подчиниться, запряг их в двое нарт, куда сложил весь скарб, кроме шкур, в которые был укутан Мэйсон. Этими шкурами он плотно обернул товарища и крепко обмотал сверху веревками, а получившийся кокон с обоих концов привязал к согнутым соснам. Теперь достаточно одного удара охотничьего ножа — и тело взмоет высоко в воздух.

Получив от мужа последние наставления, Руфь не перечила его воле. Жизнь научила бедняжку беспрекословному повиновению. С детства она склонялась — и видела, как все женщины склоняются — перед волей мужчины, венца творения, и ей казалось, что для женщины противоестественно прекословить этой воле. Мэйлмют Кид позволил Руфи лишь одно проявление горя — поцеловать мужа (ее народ не знал такого обычая), а затем проводил ее до передних нарт и помог надеть лыжи. Вслепую, бессознательно она взяла в руки

шест и кнут, прикрикнула на собак и двинулась в путь. А Кид возвратился к Мэйсону, лежавшему в беспамятстве, и долго еще после того, как Руфь скрылась из виду, сидел скорчившись у костра: ждал, надеялся, молился, чтобы товарищ умер.

Несладко остаться наедине с тяжелыми мыслями посреди Белого Безмолвия. Безмолвие сумрака милосердно: обволакивая человека, оно словно берет его под защиту, и кажется, будто все кругом дышит сочувствием; но Белое Безмолвие, залитое ярким светом, ясное и холодное под стальными небесами, совершенно безжалостно.

Прошел час, потом два часа, а несчастный все не умирал. В полдень солнце не показалось над южным горизонтом, оно лишь бросило на небеса огненный блик, который почти сразу исчез. Мэйлмют Кид поднялся на ноги и подошел к товарищу. Огляделся по сторонам. Белое Безмолвие, казалось, глумливо усмехалось, и Кида охватил ужас. Грянул выстрел; Мэйсон взмыл в свою воздушную могилу, а Мэйлмют Кид принялся настегивать собак, и они бешено рванулись вперед через снежную пустыню.

Жена короля

1

В те дни, когда Северная страна была еще молодой, кодекс ее личных и гражданских добродетелей отличался краткостью и простотой. Если бремя домашних забот становилось невыносимым и мечты о домашнем очаге превращались в непрерывный протест против унылого одиночества, искатель приключений из Южной страны за неимением лучшего шел в индейский поселок, вносил установленную плату и брал себе в жены одну из дочерей племени. Для той, на кого падал его выбор, это было предвкушением райского блаженства — ибо надо признать, что белые мужья обходились с женами куда лучше и заботливей, чем индейцы. Белый мужчина оставался доволен сделкой, да, по правде сказать, и индейцам было не на что жаловаться. Продав дочь или сестру за несколько бумажных одеял и сильно подержанное ружье и обменяв теплые меховые шкурки на жиденький ситчик и скверное виски, сын земли бодрым шагом шел навстречу смерти, которая подстерегала его то в виде скоротечной чахотки, то какого-нибудь другого, столь же безошибочно действующего недуга, завезенного в страну среди прочих благ высшей цивилизации.

В эту-то эпоху аркадской простоты нравов Кел Галбрэйт странствовал по Северной стране; в дороге он заболел и был вынужден остановиться где-то в районе Нижней реки. Его появление внесло приятное разно-

образии в жизнь добрых сестер Святого Креста, которые приютили больного у себя и принялись его лечить; они, конечно, и представить себе не могли, какой горячий эликсир пробегал по жилам больного от всех их ласковых забот, от каждого прикосновения их нежных рук. Странные мысли забродили в голове у Кела Галбрэйта — мысли, которые требовали самого пристального внимания. И тут ему попала на глаза воспитанница миссии Магдалина. Но он и виду не подал, решившись до поры до времени выжидать. С наступлением весны он немного окреп, и, когда солнце стало вновь чертить свой огненный круг на небесах и вся страна ожила в радостном трепете, Кел Галбрэйт, собрав свои еще слабые силы, двинулся в путь.

Дело в том, что воспитанница миссии Магдалина была сирота. Ее белый отец, повстречавшись как-то раз на тропе с медведем, не проявил достаточного проворства, и это стоило ему жизни. А затем ее мать, индианка, оставшись без мужчины, который бы пополнял ее зимние припасы, пошла на рискованный эксперимент: дожидаться нереста лососей, имея всего лишь пятьдесят фунтов муки да фунтов двадцать пять бекона. Следствием этого опыта было то, что осиротевшую Чук-Ра отправили на воспитание к добрым *сестрам*, которые и окрестили ее Магдалиной.

У Магдалины все же оставалась кое-какая родня; из них самым близким по крови был дядя; это был беспутный человек, который не щадил своего здоровья ради напитка белых — виски. Он стремился общаться с богатами каждый день своей жизни, точнее — искал кратчайшей тропы к могиле. Быть трезвым представляло для него сущее мученье. Что такое совесть, он не знал. К этому-то старому бездельнику и явился Кел Галбрэйт. Было сказано много слов, выкурено много табаку. Оба собеседника взяли на себя кой-какие обязательства, и дело кончилось тем, что старый язычник, сложив на

дно своей лодки несколько фунтов вяленой лососины, поплыл по направлению к миссии Святого Креста.

Каких он надавал там обещаний, что он врал — обо всем этом миру не суждено узнать, ибо сестры никогда не сплетничают. Известно лишь, что, когда он покинул миссию, на его смуглой груди красовался медный крест, а в лодке сидела его племянница Магдалина. В тот же вечер была сыграна великолепная свадьба, закончившаяся потlachем. После такого праздника индейцы, как водится, два дня не выходили на рыбную ловлю. Однако сама Магдалина на следующее же утро после свадьбы отряхнула прах Нижней реки со своих мокасин и, сев с мужем в лодку, которой управляли с помощью багра, отправилась на Верхнюю реку, в край, носивший название Низовьев. Магдалина оказалась хорошей женой, безропотно разделяла с мужем все житейские невзгоды и готовила ему пищу. Она держала его в узде, пока он не научился прикапывать золотой песок и работать засучив рукава. В конце концов он напал на жилу и выстроил себе домик в Серкле; и, глядя на его счастливую семейную жизнь, люди испытывали невольную зависть и томление духа.

К этому времени Северная страна вступила в полосу зрелости и приобщилась к радостям светской жизни. До сих пор Южная страна посылала сюда своих сыновей; теперь же началось новое паломничество — паломничество дочерей Юга. Строго говоря, они не были ни сестры, ни жены тех белых мужчин, которые приехали сюда раньше, но все же этим дамам удалось внушить своим соотечественникам новые взгляды и по-своему поднять весь жизненный тон. Жены из индианок уже больше не появлялись на балах, не носились по залу в добрых старых виргинских плясках или веселом танце «Дан Таккер». Со свойственным им стоицизмом, без жалоб и упреков, взирали они с домашнего порога на владычество своих белых сестер.

Но вот неисчерпаемый Юг прислал из-за гор новое пополнение. На этот раз пришли женщины, которым было суждено править страной. Их слово стало законом, а закон их был крепок как сталь. Они косо смотрели на индейских жен, а белые женщины первого потока вдруг оробели и попритихли. Нашлись среди мужчин малодушные, которые устыдились своих давних союзов с дочерьми земли и стали с неудовольствием поглядывать на своих смуглых детей; но были и другие — настоящие мужчины, — те с гордостью хранили верность данному обету. Когда вошло в моду разводиться с индейскими женами, Кел Галбрэйт не потерял мужества, зато он тотчас и ощутил на себе тяжелую десницу женщин, которые пришли в страну позже всех, знали о ней меньше всех — и тем не менее безраздельно в ней властвовали.

В один прекрасный день обнаружилось, что Верховья, расположенные значительно выше Серкла, богаты золотом. Собачьи упряжки доставили эту весть к Солёной Воде; суда, везущие золото, переправили соблазнительную новость через Тихий океан; телеграфные провода и подводный кабель гудели этим открытием. Так впервые услышал мир о реке Клондайк и Юконской территории.

Все эти годы Кел Галбрэйт прожил тихо и мирно. Он был хорошим мужем своей Магдалине, и брак их не остался бесплодным. Но постепенно им овладело чувство неудовлетворенности: он стал испытывать неясную тоску по общению с себе подобными, по жизни, из которой был исключен; в нем стало расти смутное желание, появляющееся подчас у всякого мужчины, — желание сорваться с цепи, вкусить радостей жизни. А между тем его ушей достигли фантастические легенды об этом удивительном эльдорадо, заманчивые описания нового города палаток и хижин, невероятные рассказы о чечако, которые обрушились на этот край настоящей

лавиной. Серкл опустел, жизнь города прекратилась. Мир — обновленный и прекрасный — переместился вверх по течению.

Кела Галбрэйта потянуло в гущу событий, он хотел увидеть все собственными глазами. Поэтому, как только закончились зимние промысловые работы, он положил сотню-другую фунтов золотого песку на большие весы Компании и взял чек на получение соответствующей суммы в Доусоне. Затем, поручив наблюдение за рудниками Тому Диксону, поцеловав Магдалину на прощанье и пообещав ей вернуться, когда появится первый лед, он сел на пароход и отправился вверх по течению.

Магдалина ждала. Она прождала его все три солнечных месяца. Она кормила собак, возилась с маленьким Келом, провожая короткое лето и глядя вслед уходившему солнцу, которое пустилось в свой долгий путь на юг. Кроме того, она много молилась так, как ее учили сестры Святого Креста. Наступила осень, на Юконе появился первый лед, короли Серкла возвращались на зимние работы, а Кела Галбрэйта все не было. Очевидно, Том Диксон получил от него письмо, так как рабочие по его распоряжению привезли на нартах запас сухих сосновых дров на зиму. Компания, должно быть, также получила письмо, так как прислала несколько собачьих упряжек с провизией самого отличного качества, уведолив Магдалину, что она может у них пользоваться неограниченным кредитом.

Испокон века принято считать главным виновником всех женских горестей мужчину; но тут как раз мужчины помалкивали, позволяя себе лишь время от времени отпускать крепкое словцо по адресу отсутствовавшего собрата, а женщины, вместо того чтобы следовать их примеру, поспешили довести до слуха Магдалины диковинные рассказы о делах и днях Кела Галбрэйта; в этих рассказах фигурировала некая греческая танцовщица; говорили, что для нее мужчины служили такой же за-

бавой, как для детей мыльные пузыри. Магдалина была индианка, и, кроме того, у нее не было подруги, к которой она могла бы пойти за мудрым советом. Целый день она молилась и размышляла, а к вечеру, будучи женщиной решительной и энергичной, она запрягла собак, привязала маленького Кела к нартам и двинулась в путь.

Юкон еще не стал, но с каждым днем прибрежный лед все рос, превращая реку в узенький мутный ручеек. Только тот, кому когда-либо доводилось пройти сто миль по ледяной кромке, а потом еще двести по торосам уже замерзшей реки, в состоянии представить себе, что должна была вынести эта женщина, каких трудов и мучений ей стоил этот переход. Но Магдалина была индианка и поэтому как-то вынесла все это. И вот ночью порой в дверь Мэйлмюта Кида постучали. Хозяин открыл дверь, накормил голодных собак, уложил в постель маленького крепыша и занялся женщиной, которая еле держалась на ногах от усталости. Пока она рассказывала ему свою историю, он стянул с нее обледевшие мокасины и принялся колоть ей ноги острием ножа, чтобы проверить, насколько они обморожены.

В мужественной душе Мэйлмюта Кида было что-то нежное, женственное, благодаря чему самые свирепые собаки испытывали к нему доверие и самые суровые сердца раскрывались перед ним. Не то чтобы он добивался чьих-либо излияний — сердца раскрывались навстречу ему так же естественно, как раскрываются цветы навстречу солнцу. Говорили, что сам отец Рубо, священник, исповедовался ему; а уж простые люди, мужчины и женщины Северной страны, без конца толкались в его дверь — дверь, у которой щеколда никогда не закладывалась. В глазах Магдалины Мэйлмют Кид был человеком, который не мог ошибаться ни в словах, ни в поступках. Она знала его с самого детства, с того дня, когда стала жить в среде, к которой принадлежал ее отец;

и ей, полудикарке, представлялось, что в Мэйлмюте Киде сосредоточена вся мудрость веков, что его взору дано проникать сквозь завесу будущего.

В стране царили ложные идеалы. Нынешняя общественная мораль Доусона не совпадала с прежней, и буйный рост Северной страны вызвал к жизни много дурного. Все это Мэйлмют Кид понимал; он также знал, что собой представляет Кел Галбрэйт. Он знал, что одно необдуманное слово, сказанное впопыхах, подчас наносит непоправимое зло. И в довершение всего ему хотелось хорошенько проучить этого человека, пристыдить его как следует. На другой день вечером он устроил у себя небольшое совещание, пригласив к себе молодого горного инженера Стэнли Принса и Джека Харрингтона, по прозванию Счастливый Джек, с его скрипкой. И в ту же ночь Беттлз, которому Мэйлмют Кид в свое время оказал неоценимую услугу, запряг собак Кела Галбрэйта, привязал к нартам Кела Галбрэйта-младшего и исчез с ними в темноте, по направлению к реке Стюарт.

2

— Итак — раз, два, три; раз, два, три. Теперь обратно. Нет, не так! Сначала, Джек! Смотрите — вот так! — Принс исполнил нужное па с изяществом человека, который привык дирижировать котильоном.

— И-и-раз, два, три; раз, два, три. Обратно! Вот. Это уже лучше. Повторите. Да не смотрите же на ноги! Раз, два, три; раз, два, три. Короче шаг! Вы ведь не собаки погоняете! Попробуем еще раз. Вот! Хорошо! Раз, два, три; раз, два, три...

Принс и Магдалина кружились в бесконечном вальсе. Стол и стулья были отодвинуты к стене, чтоб было просторней танцевать. Мэйлмют Кид сидел на койке, уткнув подбородок в колени, и с интересом смотрел на

танцующих. Джек Харрингтон сидел рядом с ним и всю пиликал на своей скрипке, стараясь подлаживаться к танцорам.

Это была своеобразная, неслыханная затея — то, что задумали эти трое мужчин, желая помочь одной женщине. Пожалуй, самым трогательным во всем была та деловитость, с какой они занимались своим делом. Магдалину натаскивали со всей строгостью, с какой готовят спортсмена к состязанию или приучают собаку ходить в упряжке. Правда, Магдалина представляла собой благодарный материал, так как, в отличие от своих соплеменниц, ей не приходилось в детстве носить тяжести и прокладывать путь по снежной целине. К тому же она была хорошо сложена, подвижна и в ней проглядывала какая-то робкая грация. Эту-то скрытую грацию они и пытались выявить и развить.

— Вся беда в том, что она с самого начала научилась танцевать неправильно, — говорил Принс зрителям, усадив свою запыхавшуюся ученицу на стол. — Она быстро схватывает, но мне было бы легче с ней, если б она совсем не умела танцевать. Кстати, Кид, я никак не пойму, откуда у нее это? — Принс повторил своеобразное движение плеч и шеи, свойственное Магдалине во время ходьбы.

— Это что! Ее счастье, что она воспитывалась в миссии, — ответил Мэйлмут Кид. — Это от ношения тяжестей на спине, — пояснил он, — от ремешка, который затягивается на голове. У других индианок это еще сильнее выражено. Ей же пришлось таскать на себе тяжести только после того, как она вышла замуж, да и то лишь на первых порах. Впрочем, они с мужем хлебнули горя — они ведь были в Сороковой во время голода.

— Как бы нам избавить ее от этой привычки?

— Сам не знаю. Разве что попробовать гулять с ней каждый день часа по два и следить за тем, как она дер-

жится при ходьбе? Хоть немножко да поможет. Верно, Магдалина?

Молодая женщина молча кивнула в ответ. Раз Мэйлмют Кид, который знает все на свете, так говорит, значит это так и есть. Вот и все.

Она подошла к ним — ей не терпелось продолжать прерванные занятия. Харрингтон внимательно разглядывал ее, по статьям, как осматривают лошадь. Должно быть, он остался доволен осмотром, так как спросил с неожиданным воодушевлением:

— Так что же взял за вас этот старый оборванец, ваш дядька, а?

— Одно ружье, одно одеяло, двадцать бутылок виски. Ружье — поломанное. — Последние слова она произнесла с презрением; видно, ее возмущало то, как низко оценили ее девичество.

Она неплохо говорила по-английски, переняв все особенности речи своего мужа, но все же не совсем без акцента, отличающего индейцев, с их характерным тяготением к причудливым гортанным звукам. Ее учителя занялись и этим, и, кстати сказать, весьма успешно.

В следующий перерыв Принс обратил внимание своих товарищей еще на одно обстоятельство.

— Послушайте, Кид, — сказал он. — О чем мы с вами думали? Нельзя же в самом деле учиться танцевать в мокалинах! Обуйте ее в туфельки да выпустите на паркет — тогда она вам покажет!

Магдалина приподняла ногу и стала с удивлением разглядывать свой бесформенный мокасин. В прежние годы она танцевала точно в такой обуви и в Серкле, и в Сороковой Миле, и тогда это никого не смущало. Теперь же... ну, да Мэйлмют Кид знает, что годится, что — нет.

Мэйлмют Кид, конечно, знал; кроме того, он обладал хорошим глазомером. Надев шапку и натянув рукавицы, он отправился с визитом к миссис Эппингуэлл.

Содержание

Белое Безмолвие. <i>Перевод К. Тверьянович</i>	5
Жена короля. <i>Перевод Т. Литвиновой</i>	18
Дочь северного сияния. <i>Перевод Т. Озерской</i>	39
Мужество женщины. <i>Перевод Н. Емельянниковой</i>	52
Там, где расходятся пути. <i>Перевод Н. Санникова</i>	69
Тысяча дюжин. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	83
На берегах Сакраменто. <i>Перевод М. Богословской</i>	104
Любовь к жизни. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	116
Бурый Волк. <i>Перевод М. Богословской</i>	139
Отступник. <i>Перевод З. Александровой</i>	160
Меченый. <i>Перевод Т. Озерской</i>	182
Костер. <i>Перевод В. Топер</i>	195
«Алоха Оэ». <i>Перевод М. Абкиной</i>	214
Дом Мапуи. <i>Перевод М. Лорие</i>	223
Убить человека. <i>Перевод Н. Емельянниковой</i>	249
Ату их, ату! <i>Перевод Р. Гальпериной</i>	265
Мексиканец. <i>Перевод Н. Ман</i>	280
Жемчуг Парлея. <i>Перевод Норы Галь</i>	312
«Как аргонавты в старину...» <i>Перевод В. Курелла</i>	344
Прибой Канака. <i>Перевод М. Лорие</i>	379